

ИДЕЯ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ В АРМЯНСКОЙ КНИЖНОСТИ XII—XIII ВЕКОВ

Доктор ист. наук П. М. МУРАДЯН

Два десятка лет назад ныне покойный арменовед Акоп Анасян в одной из рукописей Матенадарана (№ 8356, переписанной в 1322 г. с автографного экземпляра в пустыни Камрик в Киликии) обнаружил, издал, а затем и перепечатал («Базмавэп», 1968, № 7—12, «Эчмпадзин», 1969, № 7—8, «Малые труды», 1987) послание Вардана Айгекци «Назидание злословящим крикунам», представляющее исключительный интерес для истории армянской средневековой литературы. Авторская характеристика «злословящие крикуны» относится к тем армянам, сирийцам и грекам из кантона Длук, кто «ради исполнения сатанской воли» предаются безумию этнической и конфессиональной вражды. «Ибо армяны говорят: я добрый и избранный христианин, и бессмысленно хулит ромеев и сирийцев. А ромей кичась говорит, что я народ первый святой и сведущий, и праведной веры, а армяне и сирийцы не [подчиняются] христианским обычаям и не имеют доли перед Богом, и так хулят и бранятся. А сириец говорит с тайным коварством и лицемерием: я избранный христианин и [лишь] моя вера непорочна и порядки святы, а армяны и ромей исполнены злой снхизмы, чужды Богу и не знают Иисуса Христа, и унаследуют ад». И пока каждый превозносит свою веру и порядки, «приходит халиф из Вавилона и судья из Халапа и порицают вас... и говорят, что все вы — христиане — чужды Богу и не познаете его».

Вардан Айгекци, упрекая, назидает и, осуждая, увещевает, что все — армяне, сирийцы, греки «призваны одним Христом и крещены в одной купели, просвещены одним Отцом и одним Святым духом, и, однако, попрекаете и хулите друг друга...» «Отчего не взглянете на дом мусульманский, на то, на сколько народов разделены они по языкам, по пребывают в мире и любви друг к другу в одном законе и порядке, который установил и назначил им предводитель их Магомет».

В основе суждений Вардана Айгекци лежит трезвое ощущение времени, а не традиционное для каждой национальной церкви стремление к размежеванию: «О, глупцы и безумцы, не знаете, что не время сейчас испытывать веру или подтверждать... Какова она сегодня, то мы и имеем». Следовательно, излившие споры о том, кто раньше «познал Христа», и кто непорочен в вере и порядке: «Итак, молю вас, дети мои, всякий народ в литургии, праздниках, постах, крещении держитесь пределов и обычаев, порядков своей церкви и живите в любви друг к другу и мире, дабы Христос почил в вас... и о порядках церковных не рассуждайте, не вступайте в споры и не волнуйтесь». Смутьяны же — армяне ли, греки или сирийцы — по убеждению Айгекци, глаголят устами сатаны, «ради Бога, — продолжает он, — молю вас, прекратите ропот и злословие», тем более, что «сатана не оставил беспорочными и нетронутыми ни церковь, ни народ, ни человека, а отравляя

ядом, осквернил все народы и церкви», «и если и есть что-либо плохое в церквях христианских, то не им в грех это вменяется, ибо люди малоумны, а сатана лжив и коварен...»

Все вышесказанное можно считать на редкость четким и убедительным примером средневекового проявления идеи межэтнической толерантности и результатом развития идей и взглядов деятелей предыдущего поколения Киликийской Армении — Нерсэса Шнорали, Нерсэса Ламбронати, Григора Тха (Отрока). Речь идет не столько о евангельском изречении: «Все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса... Нет уже Иудея, ни язычника», сколько об идейной позиции деятеля, живущего в полиэтнической и поликонфессиональной исторической среде.

Мы, пожалуй, затрудняемся назвать в современных Вардану Айгекци литературах Христианского Востока высказанные с такой определенностью, широтой мысли и терпимостью призывы и побуждения к солидарности. Публикацией данного послания и выявлением «Книги убеждений и корня веры» того же автора А. Анасян, по существу, открывает после Н. Марра новый этап в изучении наследия Вардана Айгекци, доказав еще раз, что попытки ограничить исследование армянской средневековой литературы лишь областью «изящной словесности» ведут в тупик.

А. Анасян, однако, не задается целью выяснить, уникально ли послание Айгекци, написанное между 1210 и 1215 годами, или аналогичные вопросы и взгляды высказывались еще кем-либо в армянской литературе, имеет ли Айгекци предшественников и последователей? Правда, в одной опубликованной позже заметке («Навасард», 1983, март) он упомянул Нерсэса Шнорали в качестве идейного предшественника Айгекци, но это было сделано вскользь, без надлежащего анализа. Поэтому нам представляется необходимым выяснить, является ли послание Айгекци частным случаем, обусловленным конфессиональной обстановкой, сложившейся между различными этническими общинами в области Длук (Сирия), или это новая концепция, усвоенная армянским ученым миром в целом? Представился случай подтвердить или опровергнуть выдвинутый в начале века Н. Адонцем тезис, согласно которому армянская догматическая литература XII—XIII веков своим богатством отчасти обязана партийным распрям и столкновениям, происходившим между двумя центрами — Киликией и севером Армении. По оценке Н. Адонца идея церковной унии находила отклик у представителей церкви, воспитывавшихся в новых — Киликийских пределах, насыщенных западным духом, тогда как ученые Северных краев заняли в вопросах вероучения крайнюю позицию, противопоставляя либерализму киликийцев преданность Санаинской школы заветам прошлого (Брокгауз-Эфрон, НЭС, т. III, с. 652—653).

Итак, киликийскому крылу армянских литераторов Н. Адонцем, а также Л. Меликсет-Беком, И. Абуладзе и другими противопоставляется *консервативное крыло* «армянских ученых Северных краев», которое представляли Григор Тугеорди, Давид Кобайреци, Мхитар Гош и т. д. Новонайденное послание Айгекци полностью попадает под характеристику «либерального», значительно расширяя положительный смысл этого термина, однако, как мы увидим ниже, несколько не подчеркивая «консерватизма» другого крыла.

Непосредственный идейный и хронологический предшественник Вардана Айгекци — Нерсэс Ламбронаци, трактат которого «Послание укрепленному Христом властителю нашему, самодержцу Леону от убогого Нерсэса, священнослужителя святой церкви в Тарсоне», написанный в 1194—1195 гг. (см. «Синодальное слово, послания и речи Нерсэса Ламбронаци — епископа Тарсонского», Венеция, 1838, с. 203—204) посвящен изложению межцерковных, догматических и обрядовых вопросов. В частности, рассматривая возможность контакта с греческой, латинской, сирийской церквями он, не колеблясь, объявляет: «Второе мое отступление заключается в том, что я общаюсь со всеми христианами. Да будет известно сведущим критикам, что христианские народы кое в чем различаются между собой. Но милость Божья укрепила меня сознательно пренебречь их суетным обычаем, и предпочесть любовь, и армянин для меня таков же, как и латинянин, и латинянин, как эллин, эллин, как египтянин, и египтянин, как сириец. Следовательно, если бы я был поборником одного народа, разве общался бы я с остальными?! Но я смешиваюсь с теми, кто враждебен друг к другу, я совершенно не боюсь [этого] как апостол Христов, и знаю слово, которое могу сказать каждому, кто спросит, ибо я поступаю по справедливости и любовью Христовой расторгну все препоны, чем и благопрославлю церкви и латинян, и эллинов, и сирийцев или в Армении, и в этом я незыблем, и их устои неизменны» (ук. соч., с. 215—216).

Ламбронаци по-существу отвергает этническую и догматическую замкнутость и партикуляризм, называет «суетными обычаями» конфессиональные и ритуальные различия, разделяющие христиан, и «сознательно пренебрегает» ими.

Важно подчеркнуть, что наш автор не чувствует себя одиноким, упоминая единомышленников, действующих в различных провинциях и епархиях Армении, из чего следует, что либеральные идеи не замыкались в границах Киликийской Армении. Вновь обратимся к Ламбронаци: «...Итак, если ты по своему благочестию удостоил их (т. е. противников межэтнического общения — П. М.) ответа, то я — по знанию своему — нет, [ибо] научены мы не отвечать нечестивцам, и что низки те, кто осмеливается на это по отношению к святым отцам, что являются поборниками нашей истины в самой нашей стране и у Святой горы, пастыри праведные, что [пребывают] там, и во всех провинциях Васпуракама, и в знаменитой пустыни Вараг, что находится там, и блаженные мужи Степанос Тирацу, учитель наш, и Георг Отшельник и Степанос наш соученик, и отшельники Христосатур и Тимофей, что видели нас и приняли нашу истину и благословляют [нас] за то, что могли присоединиться. Вся область Таронская и [пребывающий] в ней мудрый епископ Есан и учитель Теодорос одобряют наше преобразование и благославляют приобщившихся. Область Екелян и Гора святого Григора, [находящаяся там] отцы и епископы, которые в своих сочинениях одобряют наши истины, стонут о нищете [верующих] и о насилиях беззаконников по окончании этого: князя Хачена и [пребывающие] там монахи, которые ученика нашего Овсэпа и назначенного нами наставника почитают как ангелов и даруют им Албанское католикоство...» (с. 224—225).

География Армении представлена здесь довольно широко — Васпуракан, Тарон, Екелик, Хачен. Следовательно, разделение деятелей

на «либералов» и «консерваторов» по географическому принципу не оправдано.

Сказанное лучше всего подтверждает творчество одного из крупнейших книжников Восточной Армении XII—XIII вв. Мхитара Гоша.

Перечисляя литературное наследие Мхитара Гоша, Киракос Гандзакец упоминает и «Книгу, возвещающую православную веру против всех схизматиков, [написанную] по просьбе великого полководца Закарэ и брата его». Существовало мнение, что произведение Гоша не сохранилось (Л. Меликсет-Бек), между тем это ни что иное, как напечатанное в 1900—1901 гг. в «Арарате» на основе трех рукописей (с неудачным выбором разночтений) «Послание архимандрита Мхитара, что звался Гши», пространное сочинение, адресованное братьям и через них грузинскому двору и католикосу. Трактат не датирован, однако нет сомнения, что это время между соборами Лорийским (1204—1205 гг.), на котором Гош присутствовал, и Анкийским (1207 г.), созванным в канун праздника Рождества, в котором Гош также принимал участие. Тамара и Давид Сослан — «Цари паши победители» — упоминаются в нем как здравствующие современники, на основе чего можно с уверенностью сказать, что послание написано в 1206 году. Поводом для обращения явился конкретный факт: «Видя и слыша в дни наши, как грузины злословят догмы нашей веры и церковные порядки, души наши были весьма уязвлены и особенно тем, — говорит он, обращаясь к братьям Долгорукии (Шаргудзели), — что показались мне слова, сказанные ими, приемлемыми для вас». В предисловии, адресованном грузинскому католикосу и духовенству, сказано: «Написали [мы] послание, не противопоставляясь и не порицая какой-либо из народов, а показали как в суде достоинство и право и выявили трудный путь к возможному в сие время единению, высказали мы и истинное отношение к своему народу и не утаили порицаемых черт нашего народа, поставив во глазу все хорошее и доброе».

Итак, послание преследует следующие цели:

1. Представить армянское исповедание веры и церковный порядок, объяснить отличающие армянскую церковь особенности.

2. Греки и грузины так же, как и армяне не схизматики, потому требование друг от друга повторного крещения есть «непочитание Христа».

3. Было бы хорошо, если бы все народы обратились к единой конфессии, однако ныне достичь подобного единства невозможно.

4. Как же быть в данной ситуации? «В то же время показываем мы и то, как быть теперь народам, и если это покажется вам (т. е. князьям Иванэ и Закарэ — П. М.) приемлемым, прочтите [им] в переводе» (т. е. по-грузински — П. М.).

Исследование этого произведения Мхитара Гоша велось до сих пор в русле преимущественно выявления источников. Л. М. Меликсет-Бек установил, что, рассказывая о Двинском соборе, Гош пользуется произведением Иоанна Одзнецки «О соборах, что происходили в Армении», сократив его, а повествуя об истории армяно-грузинского церковного разрыва — произведением Анании Санахнеци «Об отделении грузин» (сократив и почти дословно цитируя). В одной из своих статей (1938 г.) И. В. Абуладзе решительно доказал, что послание Гоша — ответ на одно из восьми антимонофизитских положений «Догматикона» Арсена Вачес-дзе, а именно на «Тридцать глав армянской схизмы». Он выяснил также, что данное антимонофизитское произве-

дские, переведенное на армянский в среде армян-халкедонитов и дополненное толкованиями и вставками переводчика, под заглавием «Ответ армянам» было издано в свое время в выходившем в Константинополе еженедельнике «Луйс» в 1905—1906 годах. Впоследствии З. Алексидзе опубликовал грузинский текст «Тридцати глав армянской схизмы» и соответствующие отрывки из приписываемого Иоанну Дамаскину произведения «Ответ армянам». Наконец, в 1976 г. Ж. Гаррит установил, что источником упомянутого антимонофизитского отрывка «Догматикона» Арсена Вачес-дзе является греческое сочинение, помещенное в PG. Миня (том 132, столбец 1121—1137).

Все вышесказанное, безусловно, важно и интересно, однако не выделено самое существенное — что же отличает послание Мхитара Гоша от литературных произведений, которыми он пользуется или в ответ на которое оно написано?

1. Многие армянские авторы, предшественники Мхитара Гоша, старались, как правило, доказать ортодоксальность догм и порядков армянской церкви, последователей же Халкидонского собора считали схизматиками. Гош также защищает идею православия национальной церкви, однако диофизитов схизматиками не считает: «Не видим мы между пятью народами (т. е. греками, ромеями, армянами, сирийцами, грузинами — П. М.) стольких причин, из-за чего сделал бы Бог непримлемой веру или праздник [чей-либо], и признает Он достоинство каждого», а следовательно «если пять названных народов могут и не достичь согласия, но могут и не быть враждебны друг другу и с почтением принимать крест и церковь один другого», потому что армяне и грузины, сирийцы и ромеи исповедуют истинную Троицу и Бога Христа, истинного Сына Божьего, как и Богородицу Марию, хотя относительно воплощения расходятся, если это не относится к несторпанскому мировоззрению, и крест есть крест Божий, и он у армян более истинный. А кое-какие небольшие расхождения о праздниках или постах, или пище не есть расхождение в вере». Гош, широко мыслящий деятель, замечает: «Ведь мир в целом населен не только армянами, не только грузинами или ромеями. Христос не ревнив, он приемлет каждый народ, ибо уподобил он царство небесное неводу, куда попадает всякий род рыбы. Разве простит Бог тех христиан, которые считают приверженцев ислама и иудеев лучшими, чем армяне? Те, кто так говорят, не будут иметь прощения ни здесь, ни в будущем, если не покаются: армянин ли скажет так о грузине или грузин об армянине, или иной христианский народ о христианском народе, ибо все христиане братья».

Чтобы представить, какое расстояние лежит между убеждениями армянских книжников Нерсэса Ламбронаци, Вардана Айгекци, Мхитара Гоша и их греческими и грузинскими оппонентами в вопросах конфессиональной принадлежности, достаточно вспомнить хотя бы тот факт, что отдельные пассажи греко-грузинского оригинала рассматриваемого памятника, содержащие не только конфессиональные, но и фактически этнические характеристики, показались и в самом деле оскорбительными средневековому переводчику армянину-диофизиту — «армянину-ромею» или «грузину» в лексиконе их соотечественников, и он их опустил.

Конфессиональной толерантностью не отличались и другие современники вышеназванных армянских деятелей из мира греческой образованности. Так, к примеру, архиепископ Константин Кавасила счел нужным спросить у епископа Иоанна «имеют ли армяне право

строить церкви в городах [Византии], где они проживают?» и в ответ получил следующее определение: «С давних пор разрешается проживание иноязычных и иноверных народов, как *евреев, армян, исмаильян, агарян* и им подобных, в регионах и городах христиан, но не смешанно с христианами, а отдельно от них. С этой целью каждому из них предоставляется территория или в черте города, или же вне ее с тем, чтобы они были *обособлены* и не выходили за пределы места их обитания... Поэтому и армяне, где бы они не проживали имеют право и беспрепятственно строить церкви и исповедовать *свою ересь*» (из перевода Р. Бартняна мы исключили дополненные им слова, курсив наш — И. М.). Иоанн, должно быть, знал, что в этнической номенклатуре Империи армян, в отличие от остальных соседей, «варварами» не именовали, и все-таки конфессионально он их определил в разряд «иноверных народов».

2. Рассуждающие о догмах предшественники Гоша, как в армянской, так в особенности в греко-грузинской среде, ставили обычно знак равенства между понятиями этнос и конфессия. Не случайно в греческих и грузинских источниках вместо понятия «армяне», «армянский» иной раз употребляется иносказательный термин «хачецары». Мхитар Гош определенно отличает этническую принадлежность от конфессиональной. Он пытается доказать, что монофизитство кроме армян исповедуют и другие народы в Азии и Африке, что «пребывают твердо в одной с нами вере, не принявшие Халкидонский собор», «и они [пребывая в той же, что и армяне] твердой вере, не приходят к согласию с греками и грузинами». Гош констатирует и противоположную ситуацию, когда в армянской среде живут армяноязычные общины, имеющие иную, не армянскую этническую принадлежность, каковы-ми являются, по мнению Гоша, «манихеи». Под этим термином Гош, очевидно, подразумевает павликиан. Обращаясь к грузинскому духовенству, он призывает: «Не внимайте, возлюбленные Богом, врагам нашим, ибо нет среди армян схизмы, и [если] есть небольшие отступления, то таковые имеются и у всех иных народов, и это вовсе не армянская схизма». Оговоримся еще раз — характеристики Гоша основаны на этнических и этнографических свойствах, а не на догматических особенностях. «Нет народа, — говорит он, — который не имеет обычаев и хороших, и негодных», «Греки мудры и милосердны, наставлены Иоанном Златоустом, разве усердны в молитвах и послушны предводителям, сирийцы смиренны и аскетичны, армяне блюдают посты и милосердны к пленным и священнослужителям, почитающие святых, грузины почитают святых и обители, и не злословят предводителей», но, вместе с тем, «Армяне непокорны предводителям, однако у армянских монахов больше благочестия и литургия достойнее, чем у других народов». Мхитар Гош считается с реалиями даже не каноническими, но ставшими национальными обычаями. «Грузины весьма почитают крестных отцов, [это] похвально, хотя и не канонично, но зачем же злословить армян за то, что они делают родственников крестными отцами?» На его взгляд различия объективно существуют. «Греки и грузины более почитают иконы, армяне — крест». Но «армяне надругались над крестом, унижая его тем, что водружают во всяком месте», также «как греки и грузины иконы, ибо, что нам известно, то мы приемлем и почитаем, ибо это вроде напоминания жития святых, однако, поскольку невежественные люди считают их [достойным] поклонения, оттого армяне этого делать не спешат, но сведущие того, что сделано, не бесчестят».

3. Автор сочинения, с которым полемизирует Мхитар Гош, не задумывается ни о перспективах межэтнических отношений, ни об идеях межнациональной толерантности и догматической терпимости, между тем, как Гош задается вопросом «что ныне приемлемо для народов?» По его убеждению, грузинские цари являются «ревнителями мира и любви друг к другу между верующими» «и хотя Тамара и Давид не обличены правом созвать вселенский собор всех народов..., но могут искоренить враждебность между армянами и грузинами, чтобы не хулили Христа, ибо это и есть ненависть к Христу, чтобы не хулили и не поносили крест, наставления и церковь один другого». «И вы обличены правом, — обращается он к братьям Иванэ и Закарэ, — погасить войну и поношения мудростью и убедить словом, хотя созыв собора и единение нам показались невозможными. Ибо вы волей Божьей князья Армении и Грузии, и если пожелаете, известите ваших боголюбивых владык, дабы своей царской властью усмирили [их]». Он обращается с аналогичным посланием к грузинскому духовенству: «Итак, да не будет так, чтобы вы стали причиной соблазна для других, скорее стать инициатором созидания и мира». Люди нуждаются друг в друге и потому нельзя разделять их ненавистью: «Да узрите вы прежде всего волю Божью в том, что он любит согласную жизнь людей, стремление к которой побуждает нас нуждаться друг в друге, ради чего и возводились города и другие обиталища. Воля дьявола противоположна сему—разделить людей ненавистью, ибо с той же легкостью дьявол творит зло, с какой любовью [творит] добро Бог». Устоявшиеся обычаи и развивающиеся традиции «мешают прийти к общему единству», но в то же время «полагаем благом не враждовать друг с другом и не поносить крест и церковь» ибо в том и заключается скверна высокомерия, что «грек считает правым себя, а ромей—себя, и так каждый народ». Разумной же является терпимость друг к другу, «и было бы хорошо избрать ее, дабы искоренить враждебность из своей среды, и быть друзьями и не хулить порядков один другого». Единственный выход видит Гош в мирном автокефальном сосуществовании: «Итак, не видим мы иного способа преодолеть это противоборство, кроме как [проявить] симпатию друг к другу, и каждому народу придерживаться своего порядка..»

Вышеизложенный анализ приводит нас к нескольким принципиальным выводам:

1. Вардан Айгекци не единственный, творивший в Армении в XII—XIII веках писатель, пришедший к идее конфессиональной толерантности и межэтнического согласия. Яркими апологетами этой идеи были его предшественник Нерсэс Ламбронаци и современник Мхитар Гош.

2. Сформировавшаяся одновременно в двух полярных точках армянского этнического мира—Киликии и Северной Армении—идея толерантности и согласия была достижением, к которому вел весь предыдущий период этнического, политического и культурного развития армян.

3. Следует пересмотреть существующее разделение армянской литературы (и авторов) на два противоборствующих крыла, характеризующихся как либеральное и консервативное. Взаимные упреки, содержащиеся в посланиях Киликийских архимандритов и деятелей Северных краев Армении, не могут быть основанием для подобного обобщения. Ощущение культурной целостности является одной из важных частей средневекового этнического самосознания.

4. Соотнося культуру армянского средневековья с культурами других народов, нельзя игнорировать действенность фактора местных традиций; стремление обеспечить свое бытие и мирно сосуществовать— эта мечта постоянно сопровождала пребывавший в бесконечной борьбе армянский народ. Строитель Аштаракской церкви Кармравор начертал в VII веке: «Построили... во имя мира на всем свете и благополучия Аштарака, и плодоношения пределов твоих». И надписи подобного содержания высеклись неоднократно (Мармашен).

5. Обращаясь к литературному наследию Мхитара Гоша, в частности, оценивая многие положения его «Судебника» как гуманистические, не следует упускать из виду и весьма интересные положения произведения, известного под заглавием «Писание».

6. Идея вероисповедной толерантности и межнационального согласия—повое достижение кавказского культурного мира. В творениях Руставели, Хагана и Низами она нашла художественное воплощение в образах героев поэм, у Мхитара Гоша — свое жизненное обоснование.

**ԴԱՎԱՆԱԿԱՆ ՀԱՆԴՈՒՐԹՈՂԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԱԶԳԱՄԻՋՅԱՆ
ՀԱՄԵՐԱՇԽՈՒԹՅԱՆ ԳԱՂԱՓԱՐԸ XII—XIII ԴԱՐԵՐԻ ՀԱՅՈՑ
ՄԱՏԵՆԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ**

Պատմ. գիտ. դոկտոր Պ. Մ. ՄՈՒՐԱԴՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

Վարդան Այդեկցու «Վասն շատահաջ քննողացն յանդիմանութիւն» թղթի հրապարակմամբ (Հ. Անասյան), թվում է, վերահաստատվեց ն. Ադոնցի այն դրույթը, թե XII—XIII դարերի հայոց մատենագրության կիրիկյան թեկի լիբրարիզմը հակադրվում է «վարդապետք հայոց հիւսիսային կողմանց»-ի պահպանողականությանը։ Բնավ չառարկելով կիրիկյան հայրերին վերաբերող գնահատությանը, ավելին՝ լրացնելով այն հաստատող նոր իրողություններով, մենք հիմքեր չենք տեսնում երկրորդ թեկի՝ «պահպանողական» որակման համար։ Եվ հերավի, կամբարոնցի թվարկում է Արեւելյան Հայաստանի մի շարք վանական կենտրոններ, ուր պաշտպանում են նրա նորարարական (դավանական) գնահատումները։ Միևիթար Գոշի «Գծագրութիւն» կամ «Թուղթ առ Վրացիսն» երկի քննական ուսումնասիրությունը պարզում է դավանական հանդուրժողականության և աղգամիջյան համերաշխության դիրքորոշման ակնառու վկայություններ, որոնք գիտական բնագրի բացակայության պատճառով վրիպել են մասնագետների ուշադրությունից։ Գոշի «Թուղթը» պատասխան է բյուզանդական և վրացական միջավայրում շրջանառող մի դավանական դրույթին, որին խորթ է հանդուրժողականություն հասկացությունը, իսկ նրանում առկա որակումները անհանդուրժելի են ևղել նույնիսկ քաղկեդոնական թարգմանչին։

Իմաստ բանին այն է, թե XII—XIII դարերում հայոց ընդհանրական մատենագրության սկզբունքային նվաճումներից մեկը միջէթնիկական համերաշխության և մանավանդ՝ դավանական հանդուրժողականության գաղափարի արմատավորումն ու հիմնավորումն է, որ թելադրված է թե՛ մատենագրության նախընթաց շրջանի վերընթացով, թե՛ հայոց պատմության մի քանի առանձնահատկություններով։